

Надежда и Николай
ЗОРИНЫ

Формула
влияния

Николай Зорин
Надежда Зорина
Формула влияния

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21975220

Формула влияния: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-91221-6

Аннотация

Журналистка Анна Дубовина после интервью с крупным бизнесменом получила от него диск с тремя видеосюжетами. В первом люди в панике пытаются купить шубу в жаркий летний день. Во втором пожилой мужчина разбивает витрину, выхватывает из нее зонтик и в ярости его уничтожает. В третьем зрители на рок-концерте внезапно набрасываются на музыкантов. Камера выхватывает лицо человека, хладнокровно наблюдающего за обезумевшей толпой... Анна попыталась дозвониться до бизнесмена, но оказалось, что он погиб через пару часов после их беседы. Тогда она взялась за журналистское расследование, и в конце концов ей удалось разыскать Наблюдателя из третьего сюжета. Анна назначила встречу, чтобы вывести его на чистую воду и потребовать прекратить преступные эксперименты над людьми. Но эта встреча неожиданно превратилась в романтический ужин...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	36
Глава 3	54
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Николай Зорин,
Надежда Зорина
Формула влияния**

© Зорина Н., Зорин Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Вот уже несколько дней он знал, что его могут убить. Он столько раз представлял себе, как это произойдет, что совсем перестал бояться смерти. Он просчитал все обстоятельства, все места, где может произойти убийство, и старался избегать их, он был подготовлен. И все же смерть застала его врасплох.

Ни место, ни время суток не соответствовали его представлениям, да и сам облик смерти оказался нелепым и страшным. Она его перехитрила, переиграла.

В школе, где он работал почти всю свою жизнь, он чувствовал себя в безопасности – смерть оставалась за воротами и терпеливо его дожидалась, не рискуя войти вслед за ним в школьный двор. Здесь ей было не по себе – столько света, шума и жизни... Да и охранника у дверей, этого привратника в царство живых, не стоило сбрасывать со счетов. Даже сейчас, когда закончился учебный год и бдительность охранника несколько притупилась, школа все равно оставалась самым безопасным местом, абсолютно неподходящим для убийства.

В понедельник, в восемь пятнадцать, он, как обычно, вошел в кабинет директора. И тут на месте человека, хорошо ему знакомого, почти родного, увидел убийцу. Это было так невозможно, что в первый момент он даже не поверил оче-

видному. Убийца направил на него пистолет и прицелился. Он в ответ растерянно улыбнулся, продолжая не верить. По коридору прошли быстрые шаги, за окном шумело летнее утро. Как просто позвать на помощь, как невозможно вот так умереть. Невидимая синичка где-то на дереве в школьном дворе выводила первый такт «К Элизе», да все сбивалась, дальше продвинуться не могла и начинала сначала. Убийца выстрелил – плечо взорвалось болью, но смерть с разбегу промахнула мимо. Падая, он ударился затылком о край стола и подумал, что ведь в его убийстве обвинят невинного человека. В школьном дворе запустили петарду. И тут, словно эхо, прозвучал второй выстрел. Боль затопила его, боль была такой невыносимой, что на какой-то момент вытеснила остальные ощущения: удивление, страх, отчаянье. Свет резал глаза. Такой пронзительный, такой мучительно бессмысленный. От него невозможно укрыться, невозможно сбежать. Человек, затерявшийся в лабиринте боли и света.

Когда боль немного утихла, а свет наконец погас, он попытался вспомнить, что с ним случилось и почему он сейчас умирает. Но из тех несвязных обрывков воспоминаний не составлялось единой картины. Было чудесное горное озеро, и была женщина, которую он любил, и было что-то еще... А потом прогремел выстрел.

Озеро, женщина, выстрел. Он должен спасти невинного, он должен все объяснить. А потом встретиться с той, которую так любил, на берегу этого сказочного озера. Вот в чем

состоит смысл его смерти – встретиться с ней.

Он открыл глаза и увидел, что стоит на вершине горы, вниз, к озеру, спускается тропинка – по ней и нужно идти. Но сначала...

Боль разрасталась, мысли путались. И потому, когда он увидел Полину, слепую ясновидящую девушку, не сразу смог вспомнить, о чем хотел ей сказать. Он только знал, что она поможет, возьмет на себя его тяжкий груз, погасит последний счет жизни, и тогда, освободившись, он наконец встретится со своей любимой. Но что он должен сказать?..

Ах, да! Оправдать.

– Он не убийца, – медленно проговорил мужчина. Оказалось, что слова ему уже почти не даются, а имени невинного он вообще вспомнить не смог.

– Его обвинят, но не он убийца. Все выглядит, будто... – предпринял он новую попытку, но так и не смог закончить. Мысль его окончательно запуталась, время вышло. Он пытался еще что-то сказать, судорожно подыскивая нужные слова, но тут прогремел новый выстрел.

Девушку-ясновидящую заволочло туманом, а еще через мгновение она совсем пропала. Но он понял, что она поможет, что она узнает правду.

Вздыхнув с облегчением, он повернулся и пошел вниз по тропинке к берегу озера. Теперь он знал, что обязательно встретит ту, которую так любил.

Глава 1

Выстрел прозвучал оглушительно громко, будто пистолет приставили к виску. Темнота, в которой она пребывала, рассеялась, и Полина увидела человека с искаженным болью лицом. Он смотрел на нее с надеждой, он силился что-то сказать, но мысли путались, слова не давались.

– Он не убийца, – медленно, с трудом, словно разбитым ртом, наконец произнес мужчина. – Его обвинят, но не он убийца. Все выглядит, будто...

Мысль его окончательно сбивается, уходит, он хочет что-то еще сказать, но вдруг раздается новый выстрел, такой же оглушительно громкий, как первый. Глаза мужчины заволакивает смертная муть, он больше не видит Полину, не слышит и ни на что не надеется. Он ушел окончательно, все, что осталось в жизни, его больше не касается.

Возвращается темнота, ставшая для Полины давно привычной. Она слышит, как Виктор, ее муж, размешивает сахар в чашке кофе.

– Твое молчание расценивается как согласие, – будничным утренним голосом говорит он. – Итак, решено, едем в Анталию!

Кажется, он ничего не заметил. Или сделал вид? Как жаль, что она не может увидеть его лица.

– Отличные пляжи, море, солнце. В начале июня там еще

не слишком жарко, – продолжает Виктор расписывать прелести турецкого отдыха. Его бодрый голос ненарочито бодр, его энтузиазм естественен. Да, не заметил. И хорошо. Полина не хочет рассказывать о том, что только что видела. Ее видение оказалось совершенно бессмысленным – Полина не смогла помочь этому человеку, не смогла спасти. Так зачем же расстраивать Виктора? Но надо как-то поддержать разговор. Спросить о чем-нибудь нейтральном таким же естественно бодрым голосом.

– Который час? – спрашивает Полина – слова даются с трудом, язык еле-еле ворочается, совсем как у того, которого она не смогла спасти.

– Восемь двадцать, – все так же бодро, не замечая ее косноязычности, отвечает Виктор. – У нас еще куча времени. Успеем заскочить в турагентство перед работой.

– В турагентство? – рассеянно переспрашивает Полина, совершенно забыв, о чем они говорили до того, как возникло видение. Возвращение в реальность происходит не сразу. Но наконец она вспоминает, что через неделю они собирались отправиться в отпуск. – Нет, давай не сегодня.

– Почему? – обиженно спрашивает Виктор. – Мы же договаривались... мы же собирались... Зачем же было вставать в такую рань?

Она чувствует, что он смотрит на нее в упор, старается придать своему лицу нейтральное выражение, но мышцы сводит, ничего не получается.

– Что-то случилось? – настораживается Виктор. – Ты что-то...

– Нет! – сердито отвечает Полина, окончательно провалив свою роль.

Виктор, расстроенный, уходит в комнату. А она остается на кухне, делая вид – больше перед собой, – что у нее здесь куча дел. Моет посуду (две чашки от кофе), протирает плиту (губка издает предательский «скрип чистоты», уличая в обмане), запускает стирку... Но любое, самое простое действие вызывает ненужные ассоциации. В навязчивом видении, от которого невозможно избавиться, ей снова и снова является человек, которого не удалось спасти. Все произошло слишком быстро. Она даже не успела узнать, как его зовут, ничего не успела! Его искаженное болью лицо стоит перед глазами, его голос звучит, не отпускает: «Он не убийца. Его обвинят, но он не убийца...» О ком говорил этот человек, что имел в виду? Он смотрел на нее с такой надеждой, а она ничем помочь ему не смогла. Зачем же тогда возникло это бесполезное видение?

Иногда свой дар Полина воспринимала как проклятие.

Способность видеть людей между жизнью и смертью, проникать в их мысли и сны пришла к ней года два назад, после страшной аварии, в которую она попала. Потеряла зрение и обрела этот странный дар, в котором не сразу смогла разобраться. Сначала Полине казалось, что это что-то вроде галлюцинаций, фантомных обрывков утраченной способности

видеть. Как человек, которому ампутировали ногу, временами ощущает боль в своей несуществующей конечности, так и она видит то, что видеть в принципе не может. Но потом поняла, что ее видения совсем из другой области. И только спустя довольно долгое время научилась применять свой дар к делу, смогла им «пользоваться».

У Полины и Виктора было свое частное детективное агентство. Раскрыть мотивы преступника, воспроизвести картину случившегося часто удавалось именно благодаря дару Полины. Несколько раз они буквально спасали людей в коме, о месте нахождения которых никто не знал. Собственно, эти люди сами обращались к Полине за помощью через видения. Но сегодня был явно не тот случай. Сегодняшнее видение казалось Полине абсолютно бесполезным: она не спасла этого человека, да и не могла бы спасти – второй, смертельный, выстрел последовал почти сразу за первым. А вернее, не так, поняла вдруг Полина: было три выстрела. Первый она услышать вообще не могла, потому что ощущать, видеть и слышать этого человека стала только после того, как он был тяжело ранен. Первым выстрелом.

Хозяйственные дела на кухне совсем не смогли ее отвлечь. Стерев напоследок несуществующую пыль с поверхностей, Полина пошла в комнату.

Виктор смотрел телевизор, местный канал «Новостей» – она узнала голос репортера.

– О чем идет речь? – спросила Полина, придавая своему

тону беззаботность.

– Тише! – прикрикнул на нее всегда такой деликатный, такой вежливый Виктор.

Обидевшись, она села в кресло в другом конце комнаты, подальше от мужа, и попыталась понять, что его могло до такой степени заинтересовать в местных новостях. Но так как начало репортажа не слышала, понять было трудно. Речь шла о какой-то школе, почему-то ее оцепили полицейские.

– Неужели теракт? – не выдержала Полина, забыв, что решила не разговаривать с мужем.

– Подожди! – снова прикрикнул на нее Виктор.

Нет, теракт вряд ли. Сегодня 2 июня, занятия закончились. Кому придет в голову устраивать теракт в практически пустой школе? Что же тогда?

«Новости» завершились, Виктор выключил телевизор. Полина повернулась к нему и ждала объяснений, но он почему-то молчал.

– Ну, так что там? – снова не выдержала она. – Что случилось?

– Совершенно невозможная вещь! – проговорил Виктор, скорее, отвечая на свои мысли, чем на ее вопрос. – Убили учителя информатики. Прямо в школе в кабинете директора. В убийстве подозревают Хавронины... В это невозможно поверить! Да этого просто не может быть! Чудовищное подозрение, а у полиции, кажется, и сомнений в его виновности никаких.

– Подозревают Хаврони́на? – переспросила Полина, припоминая, где и когда уже слышала эту фамилию. Ею овладело то смешанное чувство тревоги, удовлетворения и чего-то еще, сродни вдохновенью, которое возникало каждый раз, когда видения начинали подтверждаться.

– Да, это директор школы, в которой я учился и где сегодня произошло убийство.

– Ах, ну конечно! Вспомнила. Владимир Тимофеевич Хавронин. Месяца три назад мы его встретили на улице, он был с женой... Так это его обвиняют в убийстве? Странно.

– Не странно, а просто чудовищно! Владимир Тимофеевич – прекрасный человек, спокойный, абсолютно уравновешенный, он даже голоса никогда ни на кого повысить не мог... Его все любили. Кандидат физических наук, умный, интеллигентный. Он по определению не может быть убийцей. А они говорят такие вещи, что слушать противно. Видите ли, Владимир Тимофеевич убил учителя информатики, застрелил прямо в своем кабинете. Чушь какая! Да у него и пистолета никакого не могло быть. Это просто не вяжется с обликом Хаврони́на, он...

– Он не убийца, – подхватила Полина, – этот человек мне так и сказал, что обвинят не того, кто в него выстрелил. Все правильно, все сходится.

– Что сходится? – Голос Виктора стал напряженным. – Ты что-то видела?

– Может быть. Во сколько произошло убийство?

– В восемь семнадцать.

– Ну да, и время совпадает. Было три выстрела?

– Три. Но почему ты мне ничего не сказала?

– Как выглядел этот учитель? – проигнорировав его вопрос, спросила Полина.

– Не знаю. Он пришел в эту школу уже после того, как я ее окончил. А в «Новостях» его не показали. Только Хавронина, охранника и секретаршу из всего коллектива школы. Но этих двоих я тоже не знаю. Секретарша и обнаружила убитого. Она сегодня опоздала на работу. Я так и не понял почему – лопотала что-то невразумительное. Пришла, мол, в половине девятого, вошла в кабинет директора, а там убитый Федор Ривилис – учитель информатики. А директора нашли в школьном дворе, сидел на скамейке в невменяемом состоянии, ни на какие вопросы не отвечал. Пистолет на столе в кабинете лежал. Получается, Владимир Тимофеевич убил этого Ривилиса, положил пистолет на стол и пошел себе подышать свежим воздухом. – Виктор поднялся, открыл окно, наверное, ему самому стало душно – подсознательная ассоциация. – Подозрительна мне эта секретарша, – снова заговорил он через минуту. – И охранник тоже подозрителен. Он слышал выстрелы, но, говорит, не придал им в тот момент значения, подумал, детишки петарды пускают. Они, мол, все утро их пускали в школьном дворе. И на часы посмотрел – благодаря его показаниям и установили точное время убийства – 8:17. Ерунда! Не мог охранник, человек,

знакомый с оружием, принять выстрелы за разрывы петард. Я займусь этим делом, Хавронина просто грубо подставили. Ты мне поможешь, Полина?

– Конечно, помогу, – она немного помолчала. – Судя по всему, я видела этого учителя, Ривилиса. Сегодня утром, когда мы завтракали. Он не сразу умер, жил еще несколько минут, потому-то я и смогла его увидеть. Он сказал, что человек, которого обвинят в убийстве, – на самом деле не виноват. Наверное, имел в виду Хавронина.

– А кто в него выстрелил, не сказал?

– Нет.

– Странно это все, – задумчиво проговорил Виктор. – Очень странно. Откуда Ривилис мог знать, что обвинят не того, кто в него стрелял? И почему не назвал убийцу?

– Ну, не все так просто, – стала объяснять Полина, сердясь на то, что он не понимает таких очевидных вещей. – Умирающий не может четко и ясно выражать свои мысли. Да и времени было мало.

– Но что может быть проще, чем назвать имя убийцы? – тоже слегка недовольно возразил Виктор. – Зачем тут какие-то сложные логические построения? Можно просто сказать: стрелял в меня тот-то. Я думаю, здесь дело в чем-то другом.

– В чем в другом?

– Не знаю пока. Но мне кажется, если мы сможем это понять, выйдем и на убийцу. Возможно, Ривилис знал, что его

собираются убить, и понимал, что подставят Хаврони́на. – Виктор в задумчивости снова подошел к окну – стукнула рама. – Нужно собрать всю информацию об этом учителе: его знакомства, родственные связи и вообще, что он за человек. Но прежде всего следует разобраться с этими двумя – секретаршей и охранником. Подозрительны они мне оба. Сделаем так. – Виктор повернулся к Полине – она поняла это по тому, что его голос стал звучать более направленно. – Я завезу тебя в офис, а сам поеду в школу. Собирайся скорей, уже почти одиннадцать, и так откроемся сегодня с опозданием.

* * *

Полину всегда удивляло, что Виктор так безоговорочно верит ее видениям. Люди, находящиеся между жизнью и смертью, по его мнению, не могут обмануть, их правда – истина, не подлежащая сомнению. Отчасти это действительно было так, но лишь отчасти. Вот и сегодня слова человека из ее видения стали для Виктора безоговорочным оправданием Хаврони́на. А ведь Полина даже не была до конца уверена, Ривилиса ли видела. Да, некоторые моменты совпадали: время убийства, обстоятельства смерти, но полной уверенности у нее не было, ведь она не знала, как выглядит Ривилис. И имени он ей своего не назвал. У Виктора же никаких сомнений не возникло. Если он и до этого не верил, что Хавронин не мог быть убийцей, то после того, как Полина рассказала

о своем видении, стал воспринимать это как непреложный факт. Владимир Тимофеевич не убийца, потому что, во-первых, он в принципе убийцей стать не может, во-вторых, потому, что человек из видения Полины его оправдал.

На самом деле с ее видениями все обстояло гораздо сложнее. В них было немало «мусора». Зачастую до нее «долетали» несвязные обрывки воспоминаний людей, находящихся в коме, которым ее помощь была не нужна. Но и «полезные» видения не всегда просто было расшифровать. Ее «клиенты» часто не понимали, что с ними произошло, не знали, где находятся, думали, что продолжают жить обычной жизнью. Их пугали несоответствия реальности, их мир разрушался, но они не могли объяснить причин. Полина хорошо знала, как это происходит, потому что сама пережила клиническую смерть. Людям, находящимся между жизнью и смертью – уже не здесь, но еще и не там, – очень трудно выразить свою мысль. Она путается, рвется, блуждает, теряется во множестве ассоциаций. И понять их тоже бывает трудно. Их слова никакой непреложной истиной быть не могут. И не потому, что они намеренно хотят обмануть, а потому, что сами могут сделать неверные выводы, сложить неправильные узоры из тех кусочков рассыпавшейся реальности, которые видят.

Она много раз пыталась объяснить это Виктору, но, кажется, так и не смогла. Он слишком конкретно продолжает воспринимать факты, которые возникают в ее видениях.

Впрочем, в то, что Хавронин, директор школы, психически нормальный, уравновешенный человек, убил учителя в своем кабинете, и она поверить не могла. Ситуация абсурдная, абсолютно невозможная.

Уже часа три Полина сидела без дела в пустом офисе детективного агентства в полной неизвестности. От Виктора не было ни слуху ни духу, а сама звонить ему она не хотела, чтобы не помешать. Он мог разговаривать с персоналом школы, или со следователем, или... Да мало ли где он сейчас мог находиться?

Офис располагался в центре города, на оживленной улице, окна из-за жары были открыты, и потому стоял жуткий шум. Вообще-то Полина к нему привыкла, но сегодня он вдруг стал ее раздражать. Ей почему-то казалось, что из-за уличного гула она не услышит звонок Виктора. Полина придвинула поближе телефон, достала из сумки мобильник и положила рядом с ним. И тут вдруг шум совершенно стих, словно жизнь города остановилась. Это продолжалось всего несколько секунд, может, минуту, но ей стало как-то неуютно. Представилось, что вот-вот произойдет нечто страшное, нечто вроде вселенской катастрофы, а эта внезапно возникшая тишина – преддверие конца.

В тишине послышались осторожные, какие-то нерешительные шаги – кто-то поднимался по ступенькам офиса. Шаги остановились, замерли на мгновение и продолжили восхождение. Дверь офиса открылась одновременно с воз-

обновившимся уличным шумом.

– Здравствуйте, – уверенным голосом, не соответствующим робости шагов на крыльце, сказала посетительница. Непонятно, почему Полина представила ее высокой элегантной дамой с несколько устаревшей прической – волосы, собранные в узел. – Я бы хотела поговорить с Виктором... – Дама на секунду сбилась и снова заговорила решительно и уверенно: – С Виктором Евгеньевичем.

– Его сейчас нет, – ответила Полина, – и до вечера, наверное, не будет.

– Очень жаль! – сказала посетительница, но по ее голосу совсем не чувствовалось, что это обстоятельство ее расстраивает. – А вы, очевидно, Полина? – спросила она и, не дав Полине ответить, продолжила: – Я много о вас читала и слышала. Кстати, возле ступенек вашего крыльца я нашла браслет. Это не вы потеряли?

Полина машинально похлопала себя по руке, хоть никогда никаких браслетов не носила.

– Нет.

– Ну, все равно. Пусть останется у вас – вы скорее сможете разыскать владельца, все-таки детективное агентство. – Полина услышала, как с легким стуком браслет опустился на ее стол. – Очень красивая вещь и, наверное, недешевая. Значит, Виктор Евгеньевич до вечера не появится? – уточнила женщина, но тон ее неумовимо изменился: она явно отчего-то смутилась. – Простите, Полина, – тихо и виновато

сказала она, – я вас обманула, я знала, что его здесь нет. Собственно, я пришла, чтобы поговорить с вами. При Вите... при Викторе Евгеньевиче мне было бы трудно... Разговор этот крайне деликатного свойства. Я никогда еще не была в подобной ситуации.

Полине стало очень неудобно. Она представить не могла, о чем пойдет речь и кто эта дама.

– Меня зовут Мария Ильинична Хавроница, я жена Владимира Тимофеевича, – запоздало представилась посетительница.

– Ах, вот оно что! – Полина почувствовала невероятное облегчение. – Присаживайтесь, пожалуйста.

– Спасибо. – Скрипнуло «посетительское» кресло – женщина села. – Я знаю, что Виктор занимается делом моего мужа. В школе сказали. Я тоже работаю там, веду историю. А потом увидела его в полиции, но не стала к нему подходить, потому что... Потому что хотела поговорить сначала с вами. Я знаю о ваших способностях и... Видите ли, следовательно мне сказал, что Федор Ривилис умер не сразу, первые два выстрела не были смертельными, а третий последовал через несколько минут. Был короткий промежуток, когда Федор находился между жизнью и смертью, в том состоянии, в котором вы обычно видите людей. Так вот, я хотела бы у вас спросить... Понимаю, что такие видения у вас происходят далеко не всегда и надежды почти никакой, но все же... Вы случайно его не видели, я имею в виду Федора?

Полина не знала, что ей ответить. Уверенности, что видела именно того человека, о котором она спрашивает, у нее не было.

– Понимаете, для меня это очень важно, – продолжала Мария Ильинична. – Федор видел своего убийцу, и если вы... Мне нужно точно знать, кто в него выстрелил, я должна быть уверена, что это не... не мой муж.

– А разве вы в этом не уверены?

– Все улики против него. Отпечатки пальцев на пистолете, следы пороха на руках и на его одежде, да все, все! И Василий, наш охранник, говорит, что посторонних в школе не было, и... я бы очень хотела верить, очень! Но это так трудно! Я знаю, что мой муж неспособен на убийство, и не понимаю, откуда взялся этот злосчастный пистолет. И все же... Может, я всю жизнь только думала, что знаю своего мужа, а он оказался совсем не таким, каким я его представляла? И вот теперь мне нужна правда, какой бы она ни была. А этой правдой располагает лишь один человек – Федор Ривилис. Следствие может ошибаться, я могу ошибаться, весь наш коллектив может ошибаться – никто не верит, что Владимир Тимофеевич убийца, – но Федор точно ошибиться не может. И вот я подумала, что если вы его видели...

Мария Ильинична замолчала. Полина чувствовала на себе ее взгляд. Женщина ждала от нее ответа, а она так и не знала, что ей сказать.

– Как он выглядел? – наконец спросила Полина, раздра-

жаясь и на Марию Ильиничну, и на себя, и почему-то на Виктора.

– О, у Федора колоритная внешность! – По голосу Марии Ильиничны Полина поняла, что она улыбается. – Невысокого роста, довольно полный, густые черные волосы, борода, выразительные, большие, всегда печальные глаза. Он очень хорошим был человеком, но очень несчастным. Не представляю, кому понадобилось его убивать!.. – Мария Ильинична осеклась и испуганно замолчала. – Так вы его видели?

– Думаю, да. – Сомнений, что сегодня утром она видела именно его, у Полины почти не осталось – описание совершенно совпадало.

– Федор назвал имя убийцы?

– Нет, не назвал.

– Ах, ну тогда... – В голосе Марии Ильиничны послышалось такое разочарование, такая тоска, что Полине стало ее очень жалко, и раздражение совершенно прошло.

– Федор, а я почти уверена, что это был он, не назвал имени человека, который в него выстрелил. Но сказал, что тот, кого обвинят, – не убийца. Наверное, он имел в виду вашего мужа.

– О, я в этом уверена! – Ее голос снова ожил. – Да я и не сомневалась сначала, это следователь меня сбил, уликами придавил. Вы не представляете, что мне сегодня довелось пережить! Мне позвонили из школы, утром. Я мыла окно. Подумала, что это какая-то шутка. Выстрелил из пистолета

в своем кабинете. Дикость какая-то! Откуда, скажите, у него пистолет? И потом, Федор был ему почти как родной, он знал его с детства, всегда помогал, немного опекал даже. И вдруг убил? За что? Почему? Как такое вообще возможно? А в полиции говорят, что все улики против него.

– А что говорит сам Владимир Тимофеевич? – спросила Полина и подумала: почему ей с самого начала не пришло в голову об этом спросить.

– Ничего, – Мария Ильинична тяжело вздохнула. – Молчит. Да у него шок, поймите! Знаете, я думаю, вот как все произошло, – опять оживилась Мария Ильинична. – Владимир Тимофеевич утром вошел в свой кабинет и увидел убитого Федора. У него случился нервный срыв, неосознанным движением он поднял пистолет, который был на полу возле тела, положил его на стол и вышел из кабинета. Отсюда и улики. А убийца был в перчатках и потому своих отпечатков не оставил.

– Да, скорее всего, так и было, – согласилась Полина.

Версия Марии Ильиничны звучала вполне убедительно. А впрочем, эта версия лежала на поверхности, любой бы до нее додумался. Кроме полиции, конечно, – в случае если им никакая версия невиновности Хавронина и не требовалась. Не трудно просчитать действия человека, оказавшегося в такой ситуации. Очевидно, просчитал их и убийца, он понимал, что Хавронин почти наверняка поступит именно так и оставит улики. Все логично, все просто. И все же... Неко-

торые моменты в эту логику и простоту не вписываются. И прежде всего – место действия. Не так-то просто незамеченным пробраться в школу, проникнуть в кабинет директора, выгадать момент, когда его там не будет, а жертва, напротив, окажется в полном распоряжении убийцы, выстрелить, причем трижды, с довольно значительными интервалами, скрыться с места преступления... К чему устраивать все эти сложности? Почему было не выбрать другое место? Например, убить Ривилиса в его квартире, или в подъезде, или на улице. Потому, вероятно, что главной целью этого преступления было подставить Хавронина. А Ривилис, возможно, случайная жертва... Нет, и тут не сходится. Ривилис знал, что подставят Хавронина – обвинят в убийстве. Почему же он его не предупредил? Или узнал об этом накануне и не успел? Пришел к нему в кабинет, чтобы поговорить, а тут-то его и убили? Но как убийца смог все так точно рассчитать, до минуты, до секунды? Проникнуть в кабинет именно в тот момент, когда директор вышел, а Ривилис, наоборот, вошел? Следил за тем и другим? Следил и при этом остался незамеченным? Посторонний человек не мог всего этого проделать, на него бы сразу обратили внимание, тем более что школа была почти пустой. Значит, убийца – кто-то из своих.

– Жаль, что мы теперь не узнаем, зачем Федор заходил в кабинет к Владимиру Тимофеевичу, – сказала Полина, не заметив, что размышляет вслух.

– Это-то как раз известно, – со вздохом сказала Мария

Ильинична. – Каждый понедельник утром, в восемь пятнадцать Федор проводил полную диагностику его компьютера.

– Каждый понедельник? А зачем?

– О, Федор был очень ответственным человеком, у него был график диагностики школьных компьютеров – раз в неделю проверялся каждый. А понедельник был «директорским» днем. В восемь пятнадцать Федор приходил в кабинет к Володе... к Владимиру Тимофеевичу и ставил его компьютер на проверку.

– Ровно в восемь пятнадцать? – уточнила Полина. – Всегда именно в это время?

– Конечно. В отношении работы Федор был настоящим педантом.

– А кто об этом знал?

– Все, наверное, весь наш коллектив.

– В восемь пятнадцать Ривилис заходит в кабинет, – продолжала размышлять вслух Полина, – а в восемь семнадцать его убивают. Убийца либо вошел следом за ним, либо уже ждал в кабинете, зная, что в ближайшие пять минут Владимир Тимофеевич там не появится. Кстати, во сколько он обычно приходит на работу?

– В восемь. Владимир Тимофеевич тоже очень точный человек и никогда не опаздывает.

– Интересно, зачем он мог выйти из своего кабинета, если только пришел на работу?

– Не знаю.

– Все так точно сработано, прямо тютелька в тютельку. Минутой раньше или позже – и ничего бы не вышло. Убийце либо очень благоприятствовали обстоятельства, либо он до нюанса знал распорядок дня и привычки Федора и Владимира Тимофеевича. Пришел, трижды выстрелил, вышел... Просто удивительно! – Полина немного помолчала. – Ладно, попробуем зайти с другого конца. У Владимира Тимофеевича были враги? Простите за такой стандартный вопрос.

– Нет, врагов у него не было, – уверенно проговорила Мария Ильинична. – Я все утро думала об этом, перебирала всех его знакомых – не было среди них никого, кто мог бы пожелать ему зла.

– А у Федора враги были?

– У Федора? Ну, какие же у него враги! Он был таким мягким, таким добрым, таким хорошим человеком. Беззащитным, наивным во многом, неустроенным каким-то. В квартире у него был жуткий беспорядок. По тому, как он жил, трудно было предположить, что Федор может быть таким дисциплинированным работником. Но к нему все хорошо относились, а дети его просто обожали, хоть и немного подсмеивались. Но не зло, нет, не зло. Любимый учитель! Он ведь и сам был как ребенок. – Мария Ильинична грустно рассмеялась. – Большой ребенок, тридцати шести лет. Нет, у Федора не было и не могло быть никаких врагов.

– А с женщинами как у него складывались отношения? – продолжала Полина вынужденный допрос.

– Никак не складывались, если вы имеете в виду его личную жизнь. Давно, много лет назад, Федор пережил страшную трагедию. Он любил одну женщину, а она... – Мария Ильинична вздохнула. – С тех пор никаких женщин в его жизни не было. Федор страшно переживал, для него это стало концом всего. Личная жизнь у Федора так и не сложилась.

– Я просто пытаюсь понять, кто мог быть виноват в его смерти, найти хоть какую-нибудь зацепку, – объяснила Полина.

– Да, конечно, я понимаю, – тяжело вздохнув, сказала Мария Ильинична, – но если вы думаете, что здесь может быть замешана женщина, вы ошибаетесь. Не было в его жизни женщин. По существу Федор был очень одиноким человеком. Все к нему хорошо относились, но не было близких друзей. Разве что Володя... Владимир Тимофеевич. Но тот ведь намного старше Федора, он ему помогал, опекал, поддерживал, можно сказать, заменил отца, но был ли другом? Не знаю. Между друзьями должно быть равноправие.

– И все же Владимир Тимофеевич был самым близким ему человеком? – уточнила Полина. – Возможно, потому-то его и подставили. Будь Федор состоятельным человеком, подставили бы кого-нибудь из ближайших родственников...

– У него нет здесь никаких родственников. Отец умер, когда Федору было четырнадцать лет, мать вышла замуж и уехала в Германию. Ни братьев, ни сестер у него нет.

– Ну вот. И женщины нет, и друзей тоже. Кроме Влади-

мира Тимофеевича. Получается, ваш муж – самая удобная фигура. Полиция в первую очередь подозревает близких, так проще найти мотив.

– Да нет у Владимира Тимофеевича никакого мотива!

– Конечно. Но ведь любую незначительную ссору, любые разногласия, о которых теперь, когда идет следствие, станет известно, можно превратить в мотив.

– Вы меня пугаете, Полина!

– Нет, я только хочу объяснить, почему подставили Владимира Тимофеевича. Вы ведь и сами, когда в полиции вам объяснили, что все улики против него, стали сомневаться в невиновности своего мужа. Тоже, наверное, вспомнили о чем-то, что в момент допроса превратилось для вас в возможный мотив.

– Ну... В общем, да.

– Вот и убийца на это рассчитывал. Видите ли, я никак не могла понять, кто здесь главная жертва – Федор Ривилис или ваш муж? Какова была главная цель преступника – избавиться от Ривилиса или подставить Владимира Тимофеевича? Или он преследовал обе цели одновременно? Но вы сказали, что врагов ни у того, ни у другого не было. Во всяком случае, явных, о которых бы знали вы. Значит, здесь есть какая-то тайна. И тайна эта – скорее всего, со стороны Федора, ведь жизнь Владимира Тимофеевича проходит на ваших глазах: и дома, и на работе вы вместе.

– Да, вместе, мы всегда, всю жизнь вместе, – рассеянно

проговорила Мария Ильинична и надолго замолчала. – Так вы думаете, что Владимира Тимофеевича подставили? – снова заговорила она – голос ее звучал потерянно, кажется, она опять начала сомневаться. – Вы в этом уверены?

– Если опираться на факты, то... – Полина развела руками.

– На факты! Но факт ведь только один – слова Федора. Я сначала думала, что он – безусловное оправдание, а теперь... Можно ли до конца верить Федору? Он мог сказать так просто для того, чтобы меня утешить.

– Но ведь Федор говорил это не вам, а мне, – возразила Полина, но Мария Ильинична ее не услышала.

– Он понимал, как мне будет трудно, – продолжала она. – Мне действительно очень трудно. И так стыдно! Особенно перед учениками, настоящими и бывшими. Когда я узнала, что Виктор взялся за это дело, вы не представляете, что я почувствовала. Понимаю, что он из самых добрых, самых благородных побуждений... что по-другому и поступить не мог, и все же подумала, что лучше бы он не помогал. Потому-то я и хотела сначала поговорить с вами, без Виктора, наедине. И... мне нужно точно знать, виноват мой муж или нет.

– Владимир Тимофеевич сам скоро расскажет вам. Его-то словам вы поверите?

– Не знаю, расскажет ли. Может, он вообще больше никогда не заговорит, – совершенно отчаявшимся голосом сказала Мария Ильинична и поднялась – снова скрипнуло по-

сетительское кресло. – Извините, Полина, что напрасно побеспокоила вас. До свидания. – И она так быстро вышла из офиса, что Полина не успела ее остановить.

Визит этой женщины плохо подействовал на Полину: она не смогла ей помочь, не смогла успокоить, точно так же, как не смогла помочь Федору Ривилису. Да и сама Мария Ильинична, откровенно говоря, ей не понравилась, остался какой-то неприятный осадок. И Виктор все не звонит и не приходит. Интересно, удалось ему хоть что-нибудь узнать, сделать хоть что-нибудь полезное за сегодняшний такой бессмысленный, бесполезный день? Или у него тоже ничего не получается, потому и не звонит, не хочет ее расстраивать?

Ей стало так непереносимо одиноко, что она решила позвонить ему сама. Потянулась за телефоном, но рука ее наткнулась на браслет, оставленный Марией Ильиничной. Она о нем совсем забыла. Осторожно, чтобы случайно не столкнуть со стола, Полина взяла браслет за цепочку и положила себе на ладонь. Цепочка была сделана из какого-то довольно легкого металла – может быть, серебра, а пять продолговатых, крупных камней ей показались, наоборот, слишком тяжелыми. Интересно, подумала Полина, как выглядит женщина, которая потеряла этот браслет, наверное, она... Но додумать мысль до конца не успела, потому что возникло новое видение.

Улица, на которой вдруг оказалась Полина, была ей совершенно незнакома. Она огляделась: чужой, неизвестный район где-то на краю города. Старые, покосившиеся, преимущественно деревянные дома, асфальт весь в выбоинах, и ни одного человека вокруг. В какую сторону двигаться, она не знала, поэтому просто пошла вперед, надеясь на то, что либо улица ее куда-нибудь приведет, либо видение закончится. Улица привела ее к полуразрушенному дому, мрачному, страшному – даже в этом странном, будто вымершем районе он выделялся своей необыкновенной запущенностью. Полина вошла в подъезд и стала подниматься по деревянной грязной лестнице со сломанными перилами. На третьем, последнем, этаже дверь одной из квартир оказалась приоткрыта. Немного подумав, Полина вошла в эту дверь.

В квартире было две комнаты – одна из другой. Первая оказалась пустой: грязные клочья обоев свисали с закопченных стен, а из второй слышался монотонный женский голос. Полина прислушалась, но слов разобрать не смогла. Женщина все говорила и говорила, но ей никто не отвечал, никто не прерывал ее бесконечного монолога.

Неожиданно Полина ощутила жуткий страх. Ей захотелось повернуться и убежать из этого дома, ей захотелось «выскочить» из своего видения, но вместо этого она решительно

подошла к двери второй комнаты, толкнула ее, увидела женщину, раненую, лежащую на полу, и... замерла на пороге. Войти внутрь она не смогла – какая-то невидимая, но совершенно непреодолимая преграда не пускала ее в эту комнату.

Глаза женщины были закрыты, губы не шевелились, но ее бесконечный монолог продолжался. Впрочем, он оставался таким же неразборчивым, слова не выделялись из общего потока, словно женщина говорила на чужом языке.

– Послушайте, – сказала Полина, пытаясь привлечь к себе ее внимание – голос прозвучал так глухо, что она сама испугалась. Женщина никак не отреагировала. Кажется, она ее просто не услышала. – Послушайте! – предприняла Полина новую попытку. – Пожалуйста, откройте глаза, посмотрите на меня. – Никакого эффекта. Невидимая преграда, которая не пускала Полину в комнату, не давала женщине ее услышать. – Как вас зовут? – напрягая все силы, отчаянно закричала Полина. Тот же результат, а вернее, никакого результата: бормотание женщины не прекратилось, даже веки не дрогнули – она ее не слышала.

Полина снова попыталась вслушаться в этот неразборчивый речевой поток, и тут наконец поняла, в чем дело: поток не речевой, а мыслительный, где слова переплетаются с образами. Образы – «звучат», а слова обретают цвет, вкус и запах. Это бессвязное бормотание – мысли умирающей. Но ведь Полина и раньше могла проникать в воспоминания и сны людей, находящихся между жизнью и смертью – их мыс-

ли текли свободно, она просто вступала в этот поток, он подхватывал ее и нес, как лист по реке. Почему же теперь ей так трудно расшифровать то, о чем думает эта женщина?

Возможно, потому, что связь всегда была двусторонней, а теперь женщина ее не слышит, не обращает свои мысли к ней, не преобразует мыслительные символы в понятные другому человеку слова. Но что же ей делать? Как помочь этой женщине? Полина не сможет ее спасти, если не узнает, как ее зовут, где, в каком месте она находится, и что с ней произошло. Нужно во что бы то ни стало получить хоть какую-нибудь информацию.

Судорожным движением Полина сжала руку в кулак – что-то больно впилось в ладонь. Цепочка браслета, сообразила Полина. Перед тем как возникло видение, она взяла браслет со стола. Он так и остался у нее в руке. И тут она заметила, что у женщины на руке точно такой же браслет: серебряная цепочка, соединяющая несколько довольно крупных камней. Опалы. Точнее, благородные опалы. Нет, не точно такой же, а тот самый. Значит, этот браслет принадлежит этой женщине. Но как же тогда объяснить такое раздвоение? Если бы женщина его потеряла, то сейчас бы на ней браслета не было. Может ли это как-то помочь Полине понять мысли и образы...

Не понимая до конца, зачем это делает, а только чувствуя, что сделать это совершенно необходимо, Полина надела браслет на руку. Любое движение ей сейчас давалось

с огромным трудом, но все же она справилась. И тут поток прояснился. Образы стали видимы и понятны, слова наконец обрели значение, но мысленная «речь» женщины звучала так быстро, что получить связную картину Полина все равно не могла. Это было похоже на мелькание кадров, когда перематываешь фильм, один кадр мгновенно сменялся другим: девочка лет шести, пожилая женщина, загородный дом, бушующая толпа, зал кинотеатра, огромный, бесконечный супермаркет, пустынное озеро, темная, страшная, какая-то нереальная в своей безлюдности улица, та самая, по которой Полина пришла сюда, лицо человека, смутно знакомого, другое человеческое лицо, пугающее своим абсолютным спокойствием... И все это усугублялось энергетикой отчаянья женщины, ее паникой: она умирает, вот-вот умрет и, значит, преступления продолжатся, ее никто не услышит, она не успеет предупредить, и потому погибнет огромное множество невинных людей.

Отчаянье женщины с каждым мгновением становилось все сильнее, все безнадежнее, все материальней, оно окутывало Полину, как едкий дым, не давало дышать. Усилим воли Полина оторвала взгляд от лица женщины, повернула голову – и тут увидела его, человека с абсолютно спокойным лицом, бесстрастного убийцу-аналитика. Он стоял в углу комнаты, он больше не был промелькнувшим кадром, случайной картинкой воспоминаний. Реальный человек в реальном пространстве. В правой руке он держал пи-

столет, в левой – толстую, довольно потрепанную тетрадь. На этой улице материализуются мысли, подумала Полина, сны и видения становятся явью. Человек посмотрел сквозь Полину и направил пистолет туда, где она стояла...

Глава 2

Школа, в которой учился Виктор, совсем не изменилась со времени его детства. Добротное, но несколько громоздкое здание, построенное в начале прошлого века, было окрашено в тот же мутно-розовый цвет, чугунные старинные ворота – гордость всех поколений директоров – содержались в безупречном порядке, небольшой двор в форме идеального прямоугольника, по всему периметру обсаженный деревьями, был аккуратным, тенистым, но по-военному строгим. Внутри здание тоже изменилось мало. Единственным несомненным нововведением был охранник в холле. К этому нововведению Виктор прежде всего и направился.

Следственная бригада уехала минут двадцать назад. Наверное, поэтому охранник выглядел таким обескураженно хмурым – он все еще не отошел от допросов. А тут на его голову свалилась новая напасть в лице частного детектива. Он окинул Виктора таким взглядом, что тому следовало бы тут же стушеваться, покинуть здание школы и больше никогда не переступать его порога. Но на Виктора такие вещи не действовали, он и сам мог... окинуть взглядом. Охранник это понял, обреченно вздохнул и голосом приговоренного к расстрелу представился:

– Василий Петрович Шевелев.

Подумал немного и протянул руку. Виктор удивился, но

руку пожал, представившись в свою очередь по полной программе:

– Виктор Евгеньевич Соколов, частное детективное агентство «Шанс».

Разговора сначала совсем не получилось. Василий Петрович упорно стоял на своем: никаких посторонних в школе не было, выстрелы он слышал, но принял за взрывы петард – кто-то из детей действительно пускал их сегодня все утро, – время смерти записали с его слов, он случайно посмотрел на часы, когда прозвучал третий выстрел. Эту версию Виктор уже знал из «Новостей» местного канала, но принять ее категорически не мог. Охраннику он ну совершенно не верил. Да, рассказ его звучал гладко, но было что-то и в поведении охранника, и в самом этом рассказе не то. Что-то такое мелькнуло, но он не смог ухватить. Пообещав, что вернется позже и разговор этот они продолжат, Виктор отправился на поиски секретарши, второго подозрительного лица, снова и снова прокручивая в голове разговор с Шевелевым, пытаясь понять, что ему показалось странным, неправильным.

Секретарша Нина Зверева, как ни странно, оказалась на своем рабочем месте – в предбаннике директорского кабинета. Это неприятно подействовало на Виктора: сидит тут, как будто ничего не случилось. В отличие от охранника на контакт она пошла охотно. Даже чересчур, замучила Виктора своей непрерывной болтовней о том, какой выгодный телефонный тариф ей сегодня удалось приобрести, совала ему

под нос чек – доказательство, что в момент убийства она была в салоне сотовой связи.

– Хотела положить деньги на телефон, – в третий раз начала она объяснять, почему опоздала на работу, – а тут оказалась невообразимая очередь. Никогда в нашем салоне такого не было. Я прохожу мимо каждый день, он как раз расположен между моим домом и остановкой, очень удобно. Всегда там пусто, а сегодня... прямо какое-то светопреставление. Очень выгодный тариф ввели, я его тоже оформила. Представляете: звонишь на любой номер больше десяти минут, второй в течение часа – бесплатно. Вы можете тоже себе такой взять, очень рекомендую. Такая экономия! Но из-за этого и возникла очередь. Меня там чуть не затоптали. И вот, на работу я опоздала, пришла в половине девятого. Вхожу в кабинет Владимира Тимофеевича, думаю, он меня убьет, а тут... – На этом месте рассказа Нина слегка побледнела, закатила глаза и прикрыла ладонью рот, будто ей сделалось дурно. Такое бурное выражение чувств она продемонстрировала уже в третий раз. Все это делало ее искренность сомнительной. Виктор и ей не поверил. Несмотря на то, что чек выглядел настоящим и, по идее, действительно должен был являться безупречным алиби.

– Где находится этот салон сотовой связи? – напрямую, нисколько не скрывая своей подозрительности, спросил Виктор. Нина не обиделась, даже, наоборот, как будто обрадовалась. И, честно глядя ему в глаза: мол, сами увиди-

те, что я не лгу, – объяснила, как туда добраться.

– Только там с часу до двух перерыв, – предупредила Нина.

Виктор посмотрел на часы, прикидывая, успеет ли поспать до обеда, шагнул к двери и тут наконец понял, что кольнуло его в разговоре с охранником. Часы! Охранник утверждал, что посмотрел на часы, а между тем никаких часов на руке у него не было. Но дело даже не в том. Рассказывая об этом, Вадим машинально взглянул на стену напротив, Виктор, вслед за ним, тоже машинально, перевел туда взгляд – там не было никаких часов. Вообще, насколько он помнил, в холле на первом этаже, где сидел охранник, никогда никаких часов не было. Часы висели на втором и... в кабинете директора. Над его столом.

– Нина, – он повернулся к секретарше – та посмотрела на него чуть ли не влюбленным взглядом, демонстрируя полную готовность к сотрудничеству, – скажите, в кабинете Владимира Тимофеевича все еще висят часы?

– Часы? – Она удивилась, пожала плечами и почему-то надолго задумалась. – Вы имеете в виду какие часы?

– На стене, – не очень понятно пояснил Виктор.

– Ах, эти! Ну да, висят.

– Над столом?

– Над столом. Всем, кто заходит в кабинет, сразу видно время.

– Вот-вот. До свидания.

Виктор быстро вышел из «предбанника» секретарши, боясь, что Нина опомнится, начнет задавать вопросы и своей болтовней спугнет картинку, которая выстраивалась в его голове, он пропустит какую-нибудь деталь и тогда придется начинать сначала.

Итак. Охранник сидит в холле, его позиция самая удобная: он может следить за всеми, не вызывая ничьих подозрений. С его места прекрасно виден вход и дверь кабинета Хавронина. Он может подняться, пройтись по коридору и снова вернуться на свой пост – никто не подумает, что тут что-то не так. Шевелев видит, как директор выходит из своего кабинета. Через несколько минут туда заходит Ривилис. Он идет следом за ним, производит три выстрела и, имея в виду дальнейшую цель, смотрит на часы, висящие над столом, запоминает время. А потом, рассказывая свою лживую историю, непроизвольно воспроизводит это движение: поднимает голову на уровень циферблата. Но в холле, где происходит их разговор, никаких часов нет. На таких вот мелочах обычно и прокальваются.

Виктор зло усмехнулся и решительно направился к охраннику. В его виновности он больше не сомневался, а раз так, признания он у него добьется. Чего бы это ни стоило.

Признания Виктор действительно добился. Причем довольно легко. Правда, признание это было совсем не то, какого он ожидал.

– Да, Виктор, подловил ты меня на часах! – добродушно

рассмеялся Василий, когда детектив изложил ему свою версию с последующими выводами. Охранник вдруг совершенно изменил тон, стал обращаться к Виктору просто по имени и на «ты», проникнувшись к нему дружеским расположением. – Но, видишь ли, какое дело, убить Ривилиса я просто физически не мог, потому что... ну да, тут я малость ввел и тебя, и тех, – он кивнул почему-то на дверь, имея в виду полицию, – в заблуждение. В момент убийства меня в школе не было.

– А где же вы были? – не желая принимать дружбы главного своего подозреваемого, официальным тоном спросил Виктор.

– В кафе. Тут, напротив школы, кафе «Карамель». Вот там я в тот момент и сидел. Хотел утаить сей факт, думал, с работы попрут за то, что покинул, так сказать, боевой пост. Да еще в такой момент. Но ведь про момент-то я тогда не знал.

– И часто вы так... покидаете пост? – Виктор упорно не желал перенимать шевелевское «ты».

– Да первый раз в жизни, честное слово. Понимаешь, мне вдруг захотелось... Ну, не знаю, как объяснить. – Василий замолчал и как-то жалобно, смущенно посмотрел на Виктора. – Не поверишь, – снова заговорил он, понизив голос, словно собирался рассказать какой-то постыдный о себе факт, – мне вдруг до смерти захотелось апельсинового сока.

– То есть жажда одолела, – усмехнулся Виктор, – ну по-

нятно, понедельник. Сушит после вчерашнего?

– Да нет, я не пью. То есть вообще непьющий. Тут другое. Мне не пить захотелось, а именно апельсинового сока. И до того, что, кажется, умер бы, если бы не выпил.

– Апельсинового сока? – переспросил Виктор. – Ну, знаете ли, в это действительно трудно поверить. Могу понять, когда пьющему человеку нестерпимо захочется водки, или курящему – покурить, или там наркоману – уколиться. А апельсинового сока – нет, в это я поверить не могу.

– Ну и ладно, не верь, – беззаботно махнув рукой, легко согласился Шевелев, – но проверить, что я был в той кафешке, легко. Можешь спросить бармена, он меня должен помнить. Да у них там камера есть, можно по записи проверить.

– Да, кстати, о камере. В школе ведь тоже видеонаблюдение имеется.

– Имеется, но на лето мы камеры отключаем.

– Как все у вас гладко получается! – Виктор насмешливо посмотрел на охранника. – Ладно, вы хотите сказать, что у вас алиби на момент убийства? – уточнил он. – Я смотрю, с чем-чем, а с алиби в вашем коллективе полный порядок. Но вот по поводу часов вы мне так и не объяснили...

– Объясню. Я к тому и веду. Часы эти на стене – в той кафешке. Я на них посмотрел, когда грохнула петарда. Не знаю, как объяснить. С соком что-то вроде затмения на меня нашло, ничего подобного раньше не было. А тут, как петарда грохнула, я будто очнулся. Посмотрел на часы, понял, что

свалял дурака, и поспешил в школу.

– Ну, то есть и в этом пункте вы ввели следствие в заблуждение.

– В каком пункте? – не понял Василий.

– Время смерти записали с ваших слов. А теперь получается, что вы посмотрели на часы, когда и в самом деле всего лишь взорвалась петарда.

– Да нет, время примерно точное, так и выходит.

– Примерно точное, – передразнил его Виктор. – О том, о чем вы мне рассказали, вам придется рассказать в полиции.

– Да знаю, – Шевелев вздохнул, – теперь уж придется. И про апельсиновый сок, и про всю эту лабудень. Стыда не оберешься. И неприятностей. Черт возьми! Да я и так бы, наверное, рассказал. Хавронина, честно говоря, я не очень люблю, но все же... Нужно, чтобы и у него был шанс.

– Не очень любите? – подхватил Виктор. – Интересно, за что?

– Да так. Не всех же любить, – уклончиво ответил Василий. – Нет, не подумай чего. Просто.

Новое объяснение Шевелева не только не убедило Виктора в его невиновности, но, наоборот, вызвало еще больше сомнений. Но понимая, что настоящего признания от него сейчас не добиться, он оставил охраннику свою визитку, попрощался, вышел из школы и направился к «Карамели». Виктор не сомневался в причастности Шевелева к убийству, но его алиби все же стоило проверить.

Алиби охранника подтвердилось. Но доказывало это лишь то, что сам Шевелев выстрелить в Хавронина не мог. А вот его невинность все еще вызывала серьезные сомнения. Очень вовремя он покинул свой пост, создав тем самым убийце свободный проход в кабинет директора. И при этом хорошо подстраховался, словно точно знал, в какой момент произойдет убийство.

Виктор машинально посмотрел на часы – они висели на стене как раз напротив того столика, где он сидел. Возможно, и Василий сидел на этом месте. Отсюда хорошо просматриваются школьный двор и главный вход в здание, да и часы напротив... Вот для чего Шевелев посмотрел на часы – чтобы знать, что можно уже возвращаться, убийство свершилось, преступник успел уйти, и он с ним не столкнется.

Но почему Шевелев сразу не рассказал о своем алиби, если специально его подготовил? И почему умолчал об этом, когда приезжала следственная группа?

Скорее всего, это был запасной вариант, на случай, если станут его подозревать в убийстве. А никто, кроме Виктора, подозревать его и не подумал. Полиция сразу обвинила Хавронина, проглотив наживку преступника: все произошло в кабинете директора, значит, он и убил. Все понятно и просто, зачем отрабатывать какие-то другие версии?

Нет, подтверждение алиби Шевелева несколько не убедило Виктора. Точно так же, как и алиби Зверевой, которое еще предстояло подтвердить. Оба наверняка связаны с этим убийством. Вот только не до конца понятна их роль: убийца вышел на них и сумел договориться или это они вышли на убийцу и договорились с ним. В любом случае алиби они подготовили специально, зная, где и когда произойдет убийство. Правда, объяснения обоих выглядят, мягко говоря, странно. Одному уж так захотелось апельсинового сока, что он решил пренебречь своими служебными обязанностями и отправиться в кафе. Другой приспичило как раз в это утро приобрести новый тариф, а тут, как на грех, выстроилась очередь. Придумали бы уж что-нибудь поумнее. Но может, умнее они не могли. А может...

Мысль, которая ему пришла в голову, поразила Виктора. Не в силах оставаться на одном месте, он подошел к стойке, заказал апельсиновый сок, залпом, с жадностью выпил стакан и почти бегом вышел из кафе.

Что, если охранник и секретарша говорили правду? Правда часто выглядит не так гладко, как вымысел. Но тогда получается...

«Ничего не получается! – прикрикнул он на себя. – Нужно сначала все до конца выяснить, потом уже делать выводы».

Виктор сел в машину, резко, словно у опасного преследователя перед носом, захлопнул дверцу и поехал в отделение полиции, в которое увезли Хавронина, разузнать, что и как.

Следователь, которого назначили вести дело Хавронина, — дело сразу передали в прокуратуру, — оказался однокурсником Виктора. Он воспринял это как добрый знак, подумал, что ему повезло: с Серегой Битовым они были когда-то в хороших, почти дружеских отношениях, мужик он толковый, честный, понимающий, с ним можно нормально поговорить, уж он-то не станет упираться рогом в эту нелепую версию. А Виктор постарается его убедить, что Владимир Тимофеевич Хавронин просто по определению не может быть убийцей. Но везение, не успев начаться, закончилось. Ни в чем Битова убедить он не смог. Наоборот, это Битов почти убедил Виктора — в безусловной виновности Хавронина.

Все улики были против Владимира Тимофеевича. И ладно еще — отпечатки пальцев на пистолете, это можно было бы как-то объяснить (у Виктора сразу возникло несколько версий). Но следы пороха на одежде... Их объяснить нельзя было ничем, кроме того, что сам Владимир Тимофеевич и произвел эти выстрелы. Усугубляло положение то, что Хавронин замкнулся в молчании. С момента ареста он не произнес ни слова.

Мог бы хоть что-нибудь объяснить, злился на Хавронина Виктор, а то молчит, как пень. Что с ним такое произошло? Сошел с ума, убил этого несчастного Ривилиса и...

Нет! Не мог он никого убить. Вот и Полина говорит, что Ривилис его оправдал. Что же тогда?

Подставили, просто грамотно подставили, вот и все. Но следы пороха на одежде...

При желании и их можно объяснить. Виктор представил, как убийца заставляет Хавронины снять одежду, надевает ее на себя, стреляет. Ну да, и все это время Ривилис спокойно стоит в уголке кабинета, дожидаясь, когда все будет готово для его убийства. Чушь!

Окончательно разозлившись на Хавронины, Виктор вышел из отделения и поехал в салон сотовой связи, в котором раздобыла свое алиби Зверева.

Там, как он и ожидал, было пусто и тихо – никакой очереди, никакого столпотворения. Двое операторов скучали за стойкой, девушка-кассир читала какую-то книгу за стеклянной перегородкой.

Вот сейчас, госпожа Зверева, мы вас и выведем на чистую воду, злорадно подумал Виктор и направился к операторам.

– Говорят, у вас ввели сегодня интересный тариф? – решил он начать издалека.

Операторы как-то тревожно переглянулись. Девушка за стойкой отложила книгу и испуганно посмотрела на Виктора.

– А что, об этом уже говорят? – осторожно спросил один из операторов, Андрей, если судить по бейджику.

– Ну... – Виктор развел руками и улыбнулся. – В самом

деле такой выгодный тариф?

– Да тариф как тариф! – неожиданно взорвался второй оператор, Алексей. – Не лучше, не хуже других. У нас каждые две недели вводится новый тариф – и ничего. А этот... И название-то идиотское – «Эстафетная палочка»! Вы что, хотите его оформить? – На последней фразе лицо Алексея прямо-таки исказилось от отвращения, а в голосе зазвучала явная враждебность.

– Опять начинается! – в непонятном страхе вскрикнула девушка-кассир.

Странное поведение маленького коллектива салона сотовой связи удивило Виктора.

– Давайте ваш паспорт, – обреченно проговорил оператор Андрей.

– Да нет, вы меня не поняли, – Виктор улыбнулся каждому члену этого, непонятно чем потрясенного коллектива, – я частный детектив, мне бы хотелось...

– Частный детектив?! – воскликнули они все трое одновременно, но с разной интонацией: Алексей – явно враждебно, девушка – испуганно, Андрей – с надеждой и облегчением.

– Мы тут совершенно ни при чем... – начал Алексей – Виктор почувствовал, что того прямо-таки затрясло от злости, – но Андрей его перебил:

– Да подожди ты, Леха! – И, повернувшись к Виктору, спросил, спокойно и доброжелательно: – Вы по поводу сего-

дняшнего происшествия?

– Возможно, – уклончиво ответил Виктор. – Расскажите, что у вас случилось.

История, которую ему рассказали операторы, выходила за рамки всякого здравого смысла. С сегодняшнего дня в их системе сотовой связи вводился новый тариф. Плакат, возвещающий об этом, они вывесили вчера вечером перед закрытием. Утром, когда они пришли на работу, возле салона их встретила нервная толпа клиентов – всем им не терпелось поскорее оформить новый тариф. Дальше стало еще хуже: клиенты все прибывали, их нервозность превратилась в настоящую одержимость, очередь выросла в жуткий хвост, заполонила всю улицу. Операторы работали так быстро, как только могли, но справиться с таким наплывом им было не под силу.

– Нам чуть стойку не снесли, – пожаловался Алексей. – Создавалось ощущение, что выпустили на волю сумасшедший дом. Они были просто невменяемые какие-то.

А потом все внезапно закончилось. Очередь рассосалась, салон опустел, жизнь вернулась в свою колею.

– И что самое странное, – таинственно понизив голос, сказал Андрей, – я звонил потом в другие салоны нашей системы – нигде ничего подобного не наблюдалось. Только нам так «повезло». Не знаю, чем был вызван такой сумасшедший ажиотаж. Сколько здесь работаю, никогда ничего подобного не видел. И тариф-то самый обычный, и все, как всегда. По-

нять невозможно!

– Да-а, – задумчиво протянул Виктор, – непонятно. – Он огляделся по сторонам, высматривая что-то. Андрей проследил за его взглядом и понимающе улыбнулся.

– Вы камеры ищите? Правильно, все это лучше увидеть. Вот, идите сюда, – он включил запись.

Это действительно стоило увидеть самому. Никакими словами передать то, что происходило в салоне, было невозможно. Толпа – не очередь, а именно оголтелая толпа буквально штурмовала салон. Люди были одержимы одним желанием: во что бы то ни стало заполучить этот счастливый тариф. Создавалось ощущение, что для них это вопрос жизни и смерти. Лица, искаженные яростью и каким-то неприличным вожделением, уже не походили на человеческие. Вот и школьная секретарша Зверева появилась в кадре. Ее едва можно было узнать – разве что по одежде, по фигуре и по прическе. Ее простенькое, но довольно миловидное лицо превратилось в маску восторженного идиота. До вожделенной цели оставалось всего несколько шагов, секретарша, изо всех сил работая локтями, прорывалась к стойке. Еще немного – и она пробьется, обретет, урвет свой кусок счастья. Но тут в ее плечо мертвой хваткой вцепился пожилой мужчина, не желая пропускать ее вперед. С немислимым остервенением она ударила его кулаком по лицу и все же прорвалась к стойке. Протянула паспорт оператору Андрею и торжествующим взглядом окинула толпу.

Толпа продолжала бушевать. Ярость набирала обороты, очередь все росла...

Андрей перемотал вперед.

– Где же это? А, вот: 9:07. Тут лучше посмотреть с уличной камеры.

Внезапно очередь начала ломаться. Лица людей обрели нормальное, человеческое выражение. Желание приобрести вожделенный тариф разом у всех совершенно пропало. Недавние безумцы, эти одержимые, для которых еще пару минут назад главной целью жизни было любой ценой добыть этот новый тариф, вдруг утратили к нему всякий интерес. Смотрели на часы, понимали, что безнадежно опоздали, доставали телефоны, звонили куда-то и быстро шли к остановке или к своим машинам.

– Вот так, – подытожил Андрей и выключил запись.

В салон вошел посетитель, спокойно направился к кассе, пополнил телефонный баланс и вышел из салона. Операторы и Виктор молча, с настороженным любопытством наблюдали за ним, ожидая от него подвоха. Но ничего не произошло.

– Ух! – выдохнула девушка-кассир. – Обошлось!

– Так что скажете? – Андрей ждал от Виктора объяснений.

– Ничего. Пока ничего. Зайду через пару дней, когда что-нибудь прояснится.

Он повернулся и, ничего больше не добавив, забыв попроситься, направился к выходу. На то, что когда-нибудь что-нибудь прояснится, он совсем не надеялся. Вся эта ситуация

потрясла его до глубины души. Алиби Зверевой подтвердилось, и никакой надежды не осталось.

Да и могла ли остаться какая-нибудь надежда, когда люди, обычные нормальные люди, вмиг могут превратиться в таких вот одержимых безумцев?

Доковыляв до своей машины, он рухнул на сиденье. Владимир Тимофеевич – убийца. Принять это невозможно. Принять это придется. Нужно позвонить Полине и сказать, что дело закрыто.

Виктор достал телефон, но заставить себя позвонить так и не смог. И поехать он тоже заставить себя не мог. Долго сидел, в каком-то полузабытьи. Если бы он не был взрослым мужчиной, если бы он не сидел посреди улицы... Если бы он мог куда-нибудь забиться. Он разрыдался бы, громко, навзрыд, как когда-то в детстве. Владимир Тимофеевич, человек, которого он уважал, которого любил... убийца.

Телефон зазвонил сам, но это была не Полина. С отвращением Виктор взял трубку с сиденья, огромным усилием, словно это был тяжелый груз, а не маленький, легкий современный аппарат, поднес его к уху.

– Слушаю, – еле-еле выталкивая из себя слова, сказал Виктор.

– Это Виктор Евгеньевич? – спросил незнакомый женский голос.

– Да, – сказал он. Сил на разговор с незнакомкой не было.

– Ваш номер мне дал Василий, – проговорила женщина.

Виктор не помнил никакого Василия. – Я работаю в школе, где... куда вы сегодня приходили. Библиотекарем.

– Ну и что?

– Нам нужно срочно с вами встретиться.

– Нет, извините, я сейчас не могу. Давайте завтра, дело в том, что...

– Нет, это очень важно, – перебила незнакомка, не пожелав выслушать его объяснений, почему он не может немедленно с ней встретиться. – Дело в том, что я видела убийцу.

Глава 3

Самым страшным был его взгляд – ничего не выражающий, абсолютно бесстрастный. Убийца смотрел сквозь нее, словно не видел Полины вовсе. Она попыталась отступить назад – ничего не вышло: комната не впускала, но и не выпускала ее. И тут послышался невыносимый грохот, Полина поняла, что это ломают входную дверь, но ведь она хорошо помнила, что дверь была открыта. Значит, ловушка захлопнулась, и отступать в любом случае некуда, даже если бы она и смогла. Грохот усилился. По лицу убийцы пробежала тень. Он сделал шаг к Полине, направил на нее пистолет и прицелился. Полина зажмурилась, ожидая выстрела, но ничего не произошло. Она долго не решалась открыть глаза, но когда наконец их открыла, увидела, что в комнате ничего не изменилось. Убийца так и стоял с пистолетом в руке, женщина была еще жива, образы ее воспоминаний, как кадры фильма, продолжали прокручиваться в голове. Вот только воспоминания эти перестали быть для Полины чужими, превратились в ее собственные. И жизнь этой умирающей женщины стала ее собственной жизнью. «Она» – сделалось «я». Осталось лишь упорядочить кадры, понять, с чего все началось и когда, в какой момент подошло к катастрофе.

Все началось здесь, на этой улице. Нет, улица возникла позже. Все началось так обыденно...

Все началось с интервью. Один крупный бизнесмен, владелец сети супермаркетов «Купи» заказал его нашей газете. Собственно, это была самая настоящая имиджевая реклама. На задание с каких-то пряников послали меня. Главный сообщил об этом в такой форме, что любые возражения с моей стороны прозвучали бы неуместно. Я оскорбилась до глубины души и возражать все-таки стала.

– У меня материал по маньяку горит. Пошлите Васю Смирнитского, пошлите Леночку. Неужели в редакции народу уже не осталось?

– Что, – рассмеялся Главный, – не царское это дело – имиджевую статью писать? Да я тебя понимаю. Действительно не царское. Использовать тебя на таком задании – что из пушек по воробьям стрелять. Но видишь ли, тут какое дело. Клиент заказал именно тебя. А клиент, как известно, всегда прав. Тут уж кто деньги платит, тот и музыку заказывает.

– Да не один ему черт, – возмутилась я, – кто напишет о том, какой он весь из себя супер и какие замечательные у него магазины?

– Видимо, не один. Во всяком случае, выбрал он именно тебя.

– Но я криминальный журналист...

– Я пытался ему это объяснить, но он и слушать не захотел, поставил вполне определенное условие: либо ты, либо никого не надо, обратится в другую газету.

– Ну и обращался бы, – запальчиво начала я, но Главный посмотрел на меня таким взглядом, что я поняла: не мог он допустить этого, клиент платил сверх расценок.

– Но я вообще не умею писать рекламу, – предприняла я последнюю попытку.

– Ну что ты! – Главный подхалимски хихикнул. – Ты все умеешь, моя милая. Вот, просмотри, – он протянул мне скрепленные степлером листки, – тут кое-какой материал по нашему клиенту: биографические сведения, этапы его становления в бизнесе. Пригодится. Впрочем, на месте сама разберешься. Но помни: написать ты должна так, чтобы это не только не выглядело рекламой, но и создавалось впечатление, что нашей газете посчастливилось взять эксклюзивное интервью у такого человека, а другие остались с носом. Ты уж постарайся.

– Постараюсь, – злясь, сквозь зубы проговорила я и направилась к двери.

– Интервью пойдет в завтрашний номер, так что на столе у меня оно должно оказаться сегодня, – крикнул мне вслед Главный.

– Ясно! – уже не сдерживая бешенства, бросила я и вылетела из кабинета.

Бизнесмен жил в элитном поселке «Лесной массив», у черта на куличках. Добиралась я почти два часа. Пробки, жара. Я жутко вспотела, жутко раздражилась. Отросшая челка все время падала на глаза, закрывая видимость, и до-

водила меня до белого каления. Давно нужно было пойти в парикмахерскую, да все времени нет. Материал я бегло просмотрела в редакции и теперь, готовясь к интервью, всей душой ненавидела этого бизнесмена и желала на его голову всяческих напастей. Судя по тому, с какой неправдоподобной скоростью раскрутился его бизнес, секрет успеха был вполне очевиден: финансовую основу его дела составили грязные деньги. Но он, конечно, в этом не признается, начнет втирать, какой он талантливый предприниматель, какое у него невероятное чутье на торговлю и какой он вообще удачливый парень. И при этом будет прямо-таки светиться самодовольством. Мне представлялась этакая бандитская розга, качок лет двадцати восьми с ограниченными умственными способностями.

Я ошиблась по всем статьям. Борис Сергеевич Кирюхин оказался вполне интеллигентным немолодым мужчиной, худощавым, невысоким, с какой-то совсем не славянской скорбью в глазах, и вообще мне очень понравился. На удачливого бизнесмена он нисколько не походил. Из всех многочисленных форм моего имени он выбрал самую неприемлемую – Нюрочка, объяснив, что так звали его покойную жену. Но даже это почему-то не вывело меня из себя. В его устах это звучало нежно и как-то трагически невесомо.

Он провел меня в небольшую комнату, назначение которой определить было трудно: ни на гостиную, ни на кабинет она совсем не походила. Мебели было немного: два крес-

ла, обитых натуральной кремовой кожей, небольшой столик между ними, бар и диван. Мы устроились в креслах, напротив друг друга. Разговор прошел легко и непринужденно: я задавала обычные в таких случаях вопросы, Борис Сергеевич давал толковые простые ответы. Но меня не покидало ощущение, что интервью – не главное, интервью – это только повод для встречи, а на самом деле ему нужно от меня что-то другое, да только он все не решает об этом прямо сказать.

Когда я собралась уходить, Борис Сергеевич вдруг предложил выпить с ним коньяку.

– Нет, спасибо, я за рулем, – пришлось отказаться, хотя я с удовольствием бы с ним выпила. Не знаю почему, мне его было жалко.

– Ах, ну да, конечно. А я, с вашего позволения, налью себе немного.

Он достал из бара бутылку, бокал и тарелку с нарезанным киви, отступая и в этом от всех традиций.

– Вам приходилось бывать в каком-нибудь из моих супермаркетов? – спросил Борис Сергеевич, наливая себе коньяк.

– Не знаю, – я пожала плечами. – Может быть. Не помню. Вообще-то я не очень обращаю внимание на названия магазинов...

– Значит, не были, – он с какой-то грустной усмешкой покачал головой. – Иначе, вы бы и обратили внимание, и запомнили.

– А что, там какой-то особый дизайн или...

– Да нет, дизайн самый обыкновенный, дело не в этом. Жаль, вам было бы легче понять. А, впрочем, это не важно, поймете и так, когда все увидите.

– Что увижу?

Он странно на меня посмотрел. Встал, потом снова сел, явно на что-то решаясь, но никак не в силах решиться. Налил себе еще коньяку, залпом выпил, не торопясь закусил кружочком киви.

– Ну ладно. – Борис Сергеевич снова и на этот раз уже решительно поднялся, подошел к декоративной панели в стене, повозился с ней немного. Панель оказалась замаскированной дверцей сейфа. Набрал код, достал диск в пластиковом конверте и протянул его мне.

– Вот, посмотрите дома. Если вас интересует, позвоните, и мы договоримся о новой встрече.

– Что это? – Я понимала, что ему что-то от меня нужно, помимо интервью, но ожидала не этого. – Компромат на ваших конкурентов? – Борис Сергеевич моментально перестал мне нравиться.

– Ну что вы! – Он потянулся за диском, желая забрать его у меня – кажется, и я перестала ему нравиться. – Как вы могли подумать?

– Простите, – смутилась я. – Не хотела вас обидеть.

Он сел на свое место и снова выпил коньяка. Настроение и у него, и у меня окончательно испортилось.

Я откинула со лба челку и попыталась ему улыбнуться. Но улыбка вышла какой-то неискренней.

– Если бы у меня был другой выход! Если бы у меня было хоть немного времени... Но у меня нет ни того, ни другого. Поэтому мне придется довериться вам. Вслепую. Почти вслепую. – Слово «почти» он намеренно выделил, словно извиняясь за бестактность, и посмотрел на меня с откровенной тоской. – Я читал ваши статьи. И только на основании их сделал вывод, что вы толковый журналист и неплохой человек. Но ведь я могу и ошибаться. Здесь, на этом диске, содержится такая информация, что вам ничего не стоит... А впрочем, увидите сами. Если не захотите этим заниматься, я не обижусь, пойму, но... Все это очень страшно. Страшно и опасно.

– Для кого опасно? – спросила я, сгоняя со лба, как надоедливую муху, челку.

– Для всех. И потому у меня просьба. Вы должны обещать, что никому не расскажете до поры до времени о содержании диска. И о нашем разговоре тоже.

– Хорошо, обещаю. Я никому не скажу и не покажу...

– Вот-вот, главное – не показывайте. Посмотрите дома, и... еще одно. Пожалуйста, не делайте копий. Если вас все это интересует и вы решите взяться за журналистское расследование, просто позвоните мне, мы договоримся о встрече. Но по телефону, прошу, воздержитесь от любых комментариев.

– Договорились.

Я положила диск в сумку и направилась к выходу. Все это меня до крайности заинтриговало, но посмотреть диск возможность появилась только глубокой ночью. От Бориса Сергеевича я напрямик поехала в редакцию. Спешно писала интервью, потом доделывала статью о маньяке. Домой попала уже в начале двенадцатого. Хорошо еще, что Маша с мамой все лето живут на даче, хоть о ребенке беспокоиться не приходится.

Наскоро поужинав, я вставила диск в дисковод и приготовилась к просмотру, предвкушая сенсацию.

На диске было три видеосюжета, снятых в разное время. Первые два представляли собой скорее некий казус, а третий по-настоящему меня испугал. Но все три были объединены общей идеей – безумие. Немного передохнув, я вернулась к началу.

20 июля позапрошлого года. Летний жаркий день, ослепительно светит солнце, отражаясь в витрине магазина, в окнах домов, заливая всю улицу. Огромная очередь выстраивается возле палатки, торгующей женскими шубами и мужскими дубленками. От одного вида этого жаркого, душного меха мне становится дурно. Отросшая челка липнет ко лбу, все тело мое покрывается потом. И кому пришло в голову продавать столь зимний товар в такой невыносимо знойный день? Но люди, выстроившиеся в очередь, кажется, думают иначе. Им не терпится поскорее заполу-

чить эти шубы. Женщины примеряют их прямо на летние платья, вертятся перед запотевшим от жарких тел зеркалом, нетерпеливо заполняют какие-то бланки и, совершенно счастливые, отходят от палатки. Мужчины хватают дубленки без всякой примерки... Но вот товар заканчивается. Люди приходят в отчаянье, начинается настоящая паника. Разочарованные покупатели готовы снести палатку. Внезапно безумие прекращается, словно нажали на кнопку. Люди смущенно переглядываются, не понимая, что это на них нашло, и спокойно расходятся.

Следующий сюжет был снят 12 августа того же года. Большой галантерейный магазин. В отделе зонтиков идет оживленная торговля. Пожилой мужчина пересчитывает деньги в своем кошельке и, удовлетворенный, становится в очередь. Его взгляд блуждает по витрине, в которой выставлены зонты. Но вдруг лицо его искажается яростью. Он расталкивает людей, стоящих в очереди впереди него, бросается к витрине, разбивает ее ударом кулака, выхватывает один из выставленных там зонтиков и в бешенстве ломает его.

Последний видеосюжет, так испугавший меня, был сделан совсем недавно. Пару дней назад у нас выступала одна известная рок-группа. Музыканты начинали в нашем городе, но очень быстро раскрутились и переехали в столицу. Родину свою они, однако, не забывали и время от времени заканчивали свой гастрольный тур у нас. Принимали группу

всегда очень хорошо. Вот и в этот раз, несмотря на то, что выступали они на центральном стадионе, билеты достать было непросто. Я хотела пойти, да поздно спохватилась и попасть уже не смогла. Зато там побывал мой друг Федя Ривилис, ярый поклонник группы. Он даже захотел написать большую статью с множеством фотографий, но в конце концов ограничился лишь маленькой сухой заметкой. О том, что там произошло, не пожелал мне рассказать, замкнулся в себе и вообще после посещения концерта очень изменился. Об этом выступлении ходили разные слухи, но никакой конкретной информации почему-то получить оказалось невозможно. Молчали музыканты, молчали зрители, молчали даже органы правопорядка, которым пришлось вмешаться и утихомиривать публику. Я никак не могла понять почему, а теперь поняла. То, что там произошло, было настолько ужасно, что все участники событий поскорей постарались об этом забыть.

Все начиналось как обычно. Зрители – создавалось впечатление, что все они сплошные фанаты, – прекрасно принимали группу. Вот музыканты начали свою первую композицию – известный хит «Алмазный слон» – и публика просто зашла от восторга. Затем последовала нежная лирическая песня «Заоблачная любовь» – наступила тишина, публика слушала в каком-то прямо-таки священном молчании. Но не успели музыканты исполнить песню до конца, как настроение зрителей резко изменилось. Восторг на лицах

мгновенно сменяется выражением ненависти. Камера съезжает вниз, слышится негромкий удар, несколько секунд ничего рассмотреть невозможно. Потом изображение появляется вновь. Но то, что снимает камера, не поддается никакому объяснению. Разъяренная толпа людей устремляется к помосту, где выступают музыканты, в едином порыве их уничтожить, забить до смерти, растерзать. С разных концов стадиона появляются представители правопорядка. Но вместо того чтобы утихомирить публику, они тоже бросаются к помосту. Их лица, как и у зрителей, выражают одно лишь чувство – ненависть к музыкантам. Вот один из них выхватывает из кобуры пистолет и стреляет. Но пуля попадает не в музыканта, а в одного из зрителей, тот, раненый, падает. Толпа, словно не замечая, пробегает по нему.

Камера разворачивается, меняется ракурс. Пустые ряды, лишь один человек спокойно сидит на своем месте. Он наблюдает за обезумевшей толпой, лицо его абсолютно бесстрастно. Но вдруг, вероятно что-то почувствовав, он поворачивается к камере. Раздается добродушный и чем-то пугающий, неестественный какой-то, клокочащий смех. Но не этого человека, а, очевидно, того, кто снимает. Камера снова меняет ракурс. Толпа уже не бушует внизу, зрители, словно очнувшись, потихоньку возвращаются на свои места. Музыканты собирают разбросанные повсюду сломанные инструменты. К счастью, никто из них серьезно не по-

страдал.

Камера разворачивается на 180 градусов, в кадре появляется улыбающееся лицо мальчика лет 15–18. Впрочем, определить его возраст трудно – у мальчика явно выраженный синдром Дауна. Слышны шорох, шарканье и топот множества ног, людская разноголосица.

– Папа! – радостно кричит мальчик, и изображение гаснет.

Я опять перекрутила на начало, но просматривать в третий раз не стала, поняла, что с меня довольно, больше этого не выдержу. Вытащила диск, выключила компьютер и пошла спать. Ни думать, ни анализировать увиденное у меня просто не было сил. Завтра позвоню Кириюхину – сегодня все равно уже поздно, – а там будет видно, стану ли вообще этим заниматься.

Проснулась я около одиннадцати. С утра в редакцию мне было не нужно, весь материал сдала вчера вечером, поэтому и будильник ставить не стала. Не спеша приняла душ, выпила кофе, настроение было благодушно-расслабленное. Люблю такие утра, когда никуда не надо торопиться. И тут вспомнила вчерашние события: интервью с бизнесменом, диск, который он мне передал... Настроение сразу испортилось. Нужно звонить, нужно объясняться, отказываться или соглашаться продолжать работу. В первом случае предстоит неприятный разговор – отказывать человеку в подобной просьбе очень трудно. Во втором случае... да

нет, не будет никакого второго случая, не возьмусь я за это дело. Ни за что не возьмусь! Разом утратив все свое благодушие, проклиная редактора, пославшего меня брать интервью, прельстившись высокой оплатой, и этого чертового бизнесмена, взвалившего на меня эту дикую информацию, потащилась в прихожую. В папке среди сведений о Борисе Сергеевиче Кирюхине, которую вчера мне вручил Главный, была и визитка бизнесмена с номерами телефонов.

Мобильный оказался недоступен. Обрадовавшись, – я не виновата, просто не смогла дозвониться, – для очистки совести набрала домашний. По этому номеру тоже долго не отвечали, но, когда я уже совсем воспрянула духом, трубку все-таки взяли. Ответил начальник охраны Кирюхина. Надеюсь, что Бориса Сергеевича не окажется дома, я начала объяснять, кто я такая и почему мне нужен его хозяин (журналистка, брала вчера интервью, нужно уточнить кое-какие детали – грубое вранье, газету с интервью сегодня утром уже отпечатали). Но начальник охраны вдруг прервал мой утомительный поток объяснений.

– Борис Сергеевич погиб, – рубанул он без всякой подготовки, – вчера вечером, в автомобильной катастрофе. – И, не дав мне опомниться и начать задавать вопросы, повесил трубку.

Это кошмарное известие я переваривала долго. В голове вертелась глупая и совершенно эгоистическая фраза: что же мне теперь делать, он погиб, а мне-то что теперь де-

лать? Ее сменила другая, не менее идиотская: во всем виноват коньяк, зря он пил вчера коньяк.

Я приказала себе перестать истерить, взять себя в руки и начать думать. Конечно, коньяк тут совсем ни при чем, а при чем диск, вернее, то, что на нем записано. Мне вспомнилась фраза Бориса Сергеевича: «Если бы у меня был другой выход... Если бы у меня было хоть немного времени... Но у меня нет ни того, ни другого». Оказалось, что времени у него было даже меньше, чем он думал. Он передал мне диск и в тот же вечер его убили – подстроили эту автокатастрофу. Ведь ее подстроили, в этом можно даже не сомневаться. И это значит, что мне тоже грозит опасность. А это, в свою очередь, означает, что и у меня нет времени и нет другого выхода, кроме как немедленно начать журналистское расследование, хочу я того или нет.

Я заварила себе крепкий кофе и позвонила Сане Шереметьеву, знакомому майору из пресс-службы. Прежде всего нужно было уточнить обстоятельства гибели Бориса Сергеевича. Он обещал помочь, договорились созвониться через час. Потом позвонила Главному, отпросилась с работы на весь сегодняшний день. Он был еще не в курсе того, что погиб Кирюхин, и стал неприлично убиваться, что вот, мол, интервью вышло, а человека нет уже в живых, но отпустил меня без проблем.

С большой кружкой кофе и телефоном я отправилась в комнату. Включила компьютер и, пересилив приступ тош-

ноты, вставила диск. Первые два видеосюжета пересматривать не стала, а третий, с рок-концерта, прокрутила трижды, внимательно всматриваясь в каждую деталь. Оказалось, что вчера я очень многое пропустила. Прежде всего первая половина съемки и вторая (камера скользнула вниз, ударилась обо что-то, а потом резко поднялась вверх) отличаются по качеству и стилю. Очевидно, снимали два человека. Первый, поддавшийся всеобщему безумию, камеру бросил, а второй, на которого это безумие почему-то не распространилось, поднял и продолжил съемку. Но если первый снимал целенаправленно и как-то со знанием дела, то второй просто беспорядочно наводил объектив то на одно, то на другое, выхватывал кадры. Кроме того, вчера я не заметила в толпе безумствующих Бориса Сергеевича. А между тем в кадр он попадал трижды: первый раз сбоку – сбегает по лестнице с искаженным от ярости лицом, второй – со спины, в самом низу, у помоста с музыкантами, а третий – совсем близко к камере – черты лица почти до неузнаваемости расплылись. Просмотрев ролик в четвертый раз, я поняла, что он-то и был тем, кто снимал вначале. А вторым человеком был мальчик-даун. Судя по всему, его сын. Это Борису Сергеевичу он прокричал: «Папа!» – когда тот забрал у него камеру, случайно повернув ее на мальчика.

То, что произошло на этом концерте, объяснить было невозможно. Зрителями ни с того ни с сего овладело ка-

кое-то массовое безумие. Но распространилось оно не на всех. По крайней мере, два человека оказались ему не подвержены – сын Кирюхина и мужчина, спокойно наблюдающий за беснующейся толпой. Это так же не поддавалось объяснению.

Где-то я когда-то читала, что «Битлз» на одном из своих концертов использовали собачий свисток, и все окрестные псы прямо-таки взбесились. Может, и наша группа что-то такое придумала? Но зачем, ведь, кроме агрессии, направленной непосредственно на музыкантов, никакого эффекта не было? И почему это что-то не подействовало на этих двоих? Или не музыканты, а эти двое чем-то воздействовали на зрителей? Но чем? И как смогли себя обезопасить? Применили массовый гипноз? Трудно представить, чтобы ребенок с синдромом Дауна владел гипнозом. Да и этот мужчина на гипнотизера во время работы не был похож. Он просто наблюдал за толпой, лицо его было спокойным и каким-то изучающе бесстрастным. Он не радовался тому, что происходило, его не пугало всеобщее безумие, он наблюдал, словно со стороны, как наблюдает ученый за поведением подопытных крыс. Кто он такой? И какова роль в этом сына Кирюхина? Что имел в виду Кирюхин, когда передал мне диск? И кто был виноват в его смерти? Тот, кто и устроил этот кошмар на концерте? Один из этих двоих? Но не собственный же сын, к тому же страдающий такой болезнью, подстроил автокатастрофу? По-

моему, это нереально. Значит, второй – Наблюдатель? Но может быть, его смерть совсем не связана с тем, что произошло во время концерта?

Я чуть не упустила из виду одну вещь. Воздействию не подверглись не только эти двое, но и рок-группа. Агрессия публики была направлена на музыкантов, но сами они остались психически адекватными. Музыканты были испуганы, растеряны, не понимали, что происходит – реакция вполне естественная. Но на публику ведь они не бросились. И кстати, публика тоже не стала драться между собой. Значит, если действительно было применено какое-то воздействие, оно было направлено только против группы. Зачем? Чтобы ее уничтожить? Но почему тогда дело не было доведено до конца – к счастью, конечно, но все же это странно?

Одни вопросы и никаких ответов. И не с кем посоветоваться. В милицию с этим не пойдешь, даже своему знакомому майору Сане я не смогу довериться. Одно дело – узнать у него обстоятельства смерти погибшего бизнесмена, совсем другое дело – показать этот диск.

Зазвонил телефон. Я думала, что это Саня, легок на помине, а оказалось, звонил Федя, мой лучший друг. Мне вдруг сразу стало легко и спокойно. На этого человека я могу положиться в любом случае. Я решила попросить у него помощи. Но, конечно, ни показывать диск, ни рассказывать о своем разговоре с Борисом Сергеевичем, я Феде не стану.

И не потому, что не доверяю ему, а исключительно чтобы уберечь его от опасности. Он был на этом концерте, я прошу его рассказать, что же там произошло на самом деле. Понимаю, что ему не то что говорить, вспоминать об этом не хочется, но если он поймет, что это для меня действительно важно, не откажет. И к тому же Федя может мне реально помочь еще в одном деле: он классный компьютерщик и тайный хакер – настолько тайный, что об этой стороне его жизни никто, кроме меня, не знает. Да и я обнаружила это недавно, и то совершенно случайно. Федя человек довольно замкнутый, ни о своих достижениях, ни о своих неудачах распространяться не любит.

– Ты сможешь ко мне сегодня приехать? – спросила я, прерывая свои размышления и Федину болтовню – он рассказывал о том, что их директор собирается открыть новую школу.

– Конечно, – с какой-то радостной готовностью согласился Федя. – У меня в летнем кружке последнее занятие, как только закончится, сразу приеду.

Значит, в моем распоряжении примерно час. От школы, где работает Федя, до моего дома две трамвайные остановки. За это время хорошо бы переговорить с Саней и подготовить материал Федору. Прежде всего вырезать кадр, где лицо Наблюдателя наиболее четко видно, а место действия, наоборот, плохо просматривается – я не хотела, чтобы Федя связал этого человека с событиями на рок-кон-

церте. От Федора мне нужно было, чтобы он пробил личность этого человека.

С «фотографией» Наблюдателя я провозилась дольше, чем ожидала. Подходящего кадра не было: либо лицо видно недостаточно четко, либо стадион хорошо просматривается. В конце концов пришлось наложить другой фон. Наблюдатель расположился на скамейке в парке. Теперь связать его с теми жуткими событиями было невозможно. Просто отдыхает человек и наблюдает за кем-то, кто не попал в кадр: может быть, за играющими детьми, может, за любимой девушкой, которая спешит к нему на свидание. В этой новой обстановке взгляд его словно изменился, по-добрел, приобрел другое значение. Он мне стал даже симпатичен. И чем дольше я всматривалась в его лицо, тем больше он мне начинал нравиться. Я представила себя на месте той девушки, что спешит к нему. Невольным движением поправила волосы, подумала, что все-таки стоит выбрать время и сходить подстричься. И не знаю, что бы еще навообразала, но тут, к счастью, снова зазвонил телефон и отвлек меня от глупых фантазий.

Это был Саня Шереметьев. Я стряхнула с себя нелепое наваждение и ответила на его деловое приветствие так же по-деловому. У Сани была одна немного смешная особенность: излагал события он так, словно они были написаны на бумаге. При этом говорил каким-то монотонно-нудным голосом, таким обычно скучающий учитель диктует скуча-

ющему классу скучный диктант.

– Смерть бизнесмена не вызвала у правоохранительных органов никаких вопросов, – делился информацией Саня. – Даже дела заводить не стали. Обычная авария, несчастный случай, никакого криминала. Борис Сергеевич Кирюхин вчера, впрочем, как каждый вечер, поехал навестить сына. Петя Кирюхин два раза в год проходит курс лечения в реабилитационном центре «Солнышко» для детей с синдромом Дауна. На повороте с основной трассы к центру, машина врезалась в бетонный столб. Свидетелей аварии нет, но и так все ясно: водитель не справился с управлением. В крови Кирюхина обнаружен алкоголь...

– Да, – перебила я Саню, – Борис Сергеевич пил коньяк. Так, может быть, в этом все дело? – У меня снова родилась надежда, что виновен коньяк, а диск ни при чем, но Саня задушил ее в самом зародыше.

– За рулем был его шофер, абсолютно трезвый. Он тоже погиб.

– Понятно, – упавшим голосом пробормотала я – не знаю почему, смерть шофера меня очень расстроила, чуть ли не больше, чем смерть Бориса Сергеевича, хотя водителя я в глаза не видела. – Слушай, а ты уверен, что здесь нет криминала?

– Я не был на месте аварии, поэтому ни в чем не могу быть уверен, но согласно протоколу с места происшествия... – снова занудил Саня, но мне пришлось его пре-

рвать, потому что в дверь позвонили.

– Ладно, спасибо, я все поняла.

Быстро попрощавшись, я повесила трубку.

Федя принес набор пирожных в красивой подарочной коробке. Мы сели пить чай, но тут вдруг выяснилось, что мой бедный друг умирает от голода. Я разогрела вчерашние котлеты, нарезала салат. Пока я готовила этот немудреный обед, Федя опять стал рассказывать о том, как их директор решил организовать конную школу.

– Место просто шикарное, правда, далековато от города. Это совсем рядом с вашей дачей. Но зато там все есть: конюшни, административный корпус. Конечно, предстоит большой ремонт – все это находится в плачевном состоянии, но мы справимся. Общими, так сказать, силами. Организуем старшеклассников, родителей. Дети просто в восторге, готовы работать все лето. Все горят, все полны энтузиазма.

Я с улыбкой смотрела на Федю. В этот момент он сам был похож на ребенка. Мне вдруг представилось, что это мой сын, вернувшийся из школы, – я кормлю его обедом, а он рассказывает о своих детских планах. Он вообще был каким-то маленьким, ненамного старше моей шестилетней Маши. Хотя мы с ним почти ровесники.

– А где вы возьмете лошадей? – спросила я, продолжая улыбаться материнской улыбкой.

– Спонсоры обещали подарить двух жеребят – мальчика

и девочку.

– Этого недостаточно для конной школы. И потом, пока они еще вырастут.

– Главное начать, – не согласился с моим пессимизмом Федя. – Найдем еще спонсоров, да и родители некоторых наших учеников очень небедные люди.

Я поставила перед Федей салат и котлеты.

– У этих небедных родителей наверняка совсем другие планы на то, как потратить свои денежки.

– Мы их заставим эти планы пересмотреть, – Федя довольно рассмеялся и воткнул вилку в котлету. Он и за столом вел себя совсем как ребенок. – Их собственных отпрысков на них натравим, – добавил он уже с набитым ртом.

Я не удержалась и погладила его по голове.

– А еще мы рассчитываем на вашу газету. То есть я рассчитываю. На тебя. Тисни заметку о наших прекрасных начинаниях.

– Вообще-то это не мой профиль. Ладно, посмотрим. Кстати, к слову о газете. Я сейчас пишу одну статью о немотивированной агрессии подростков, – начала я сочинять на ходу, подступаясь к разговору о концерте. Федор настороженно на меня посмотрел.

– Но ведь это тоже не твой профиль. Подростковая тема? – Он с сомнением покачал головой.

– Ну... почему? Все близко. «Из подростков созидаются поколения», – с натянутым смешком, процитировала я. – В

общем, пока собираю материал. Ты сам недавно стал свидетелем массовой агрессии. Так вот, ты не мог бы рассказать о том концерте...

Я даже не успела закончить фразу, он вдруг бросил вилку, оттолкнул от себя тарелку и выскочил из-за стола. Удивившись такой бурной реакции, я немного задержалась на кухне, чтобы дать ему время прийти в себя, и только потом пошла за ним. В большой комнате Федора не оказалось, в моей тоже. Обнаружился он в детской. Федя сидел, слегка покачиваясь, на маленьком диванчике, обхватив двумя руками Машикиного мехового гнома. Он был так похож на несправедливо обиженного ребенка, а еще больше на этого гнома, что я, не удержалась от смеха.

– Феденька, пойдём пить чай, – позвала я его. – Хватит дуться. Не хочешь рассказывать про концерт, не надо. Хотя мне это могло очень помочь.

– Ты не понимаешь! Ты ничего не понимаешь! – выкрикнул он с какой-то невыносимой тоской. – Я не хочу, я не могу. И писать об этом не надо!

– Хорошо, не буду. Да я ведь об этом и не собиралась. Подростковая агрессия...

– Там были не подростки! Вернее, не только подростки. Там были разные люди. И я... Нет, ты не сможешь этого понять!

Он еще долго не мог успокоиться. Я уже жалея, что вообще завела разговор о концерте. Из Машикиной комнаты я

его вызволяла, наверное, час. А потом еще, по крайней мере, полчаса уговаривала забыть, проехать, наплевать и успокоиться. Пришлось даже прибегнуть к его новому коньку – конной школе, вместе помечтать о том, как там будет здорово, когда все обустроится. И только когда мы окончательно помирились, смогла подступиться с фотографией Наблюдателя.

Непонятно почему, у него опять испортилось настроение. Федор долго, дотошно выспрашивал, зачем мне понадобилось выяснять его личность и не имеет ли этот человек какого-то отношения ко мне лично.

– Ну какое он может иметь ко мне отношение, Феденька? – устав от перемен его настроения, спросила я.

– Ну, не знаю. Может, у вас роман. Может, ты собираешься за него замуж.

– В таком случае я и так бы о нем все знала. Нет. Замуж я за него не собираюсь.

– Бывают разные случаи, – упрямо бурчал Федор. – Может, ты влюбилась, а у него темное прошлое, вот ты и не знаешь, продолжать отношения или нет.

– Влюбилась? Темное прошлое? Ну, что ты выдумываешь? Он мне нужен исключительно по работе. Начинаю журналистское расследование, – я решила подпустить немного правды – чистая ложь у меня плохо получалась. – Вчера я брала интервью у одного бизнесмена, Кирюхина, слышал о таком?

– Откуда? – хмуро спросил Федя. – Не знаю я никаких бизнесменов. И знать не хочу! – совсем уж мрачно добавил он.

– Так вот. Вчера я брала у него интервью, а сегодня узнала, что он погиб. Через пару часов после нашего разговора. В автомобильной катастрофе. Я думаю, что этот человек может быть причастен к гибели бизнесмена.

Федя долго молчал, переваривая мои объяснения.

– Ладно, – наконец проговорил он, сграбастав со стола распечатку со снимком, – пробью я тебе этого.

Федя позвонил вечером. За это время я успела побывать на месте аварии, съездить в реабилитационный центр, познакомиться с сыном Бориса Сергеевича, Петей. Мальчик ничего не знал о смерти отца, и наладить контакт с ним оказалось на удивление легко. Я даже не ожидала! Говорил он очень хорошо для ребенка с таким диагнозом, немного картаво, но вполне связно. Петя поведаль, что мечтает стать режиссером и музыкантом, любит снимать на камеру разные сюжеты и играет на флейте. И микрофильмы и игру он тут же и продемонстрировал. Вообще, Петя произвел на меня самое светлое впечатление, и я устыдилась своих глупых мыслей и нелепых предположений относительно этого мальчика. Нет, никак он не мог быть причастен к тем событиям на стадионе во время концерта. И, уж тем более, к смерти своего отца.

– Привет! – весело поздоровался Федя – от его дурного

настроения не осталось и следа. – Я сделал то, что ты просила.

– И что?

– Ничего! – Федя совсем развеселился. – Его нет ни в паспортной, ни в милищейской базе. Его нигде нет!

– То есть как это? – удивилась я, совсем не разделяя радости Федора.

– А так! Человека с таким лицом нет ни в одной базе. Его попросту не существует.

– Не может его не существовать. Если есть фотография...

– Фотография существует, а его нет! – Федя жизнерадостно рассмеялся. – Может, он результат фотошопа, может, плод твоей мечты, может, просто человек-призрак. Не знаю, тебе виднее. Это ведь была шутка, да?

– Да, – согласилась я, понимая, что Федя помочь здесь ничем не может. – Просто хотела проверить, какой ты хакер.

– Я так и понял.

За эту «шутку» Федя совсем на меня не обиделся. Наоборот, мы попрощались, окончательно помирившись. А через несколько дней я встретила на улице этого несуществующего человека, призрак, результат фантазии. Я выходила из торгового центра, нагруженная покупками – был вечер пятницы, наутро я собиралась поехать на дачу к своим. Так, с пакетами в обеих руках, я двинулась за ним по улице, не

представляя, что делать дальше: окликнуть, заговорить, проследить до дома?

Шли мы довольно долго. В конце концов оказались в каком-то совершенно безлюдном районе. Начало стремительно темнеть. Я чувствовала себя полной дурой, руки оттягивали тяжелые пакеты. Он шел, не оглядываясь, но мне почему-то стало казаться, что этот человек знает, что я за ним иду, знает, кто я такая, и заманивает в ловушку. Но я не повернула назад, а продолжала упрямо за ним идти. Совсем стемнело, фонари в этой части города почему-то не горели, и не светились окна домов. С большим трудом мне удалось рассмотреть название улицы, по которой мы шли. Но вот Наблюдатель, этот несуществующий в реальности человек-призрак, остановился у подъезда одного из домов. Дверь скрипнула, еле слышно, и он вошел внутрь. Проклиная себя за идиотское безрассудство, я посмотрела на номер дома и нырнула в кромешную темноту вслед за ним.

Глава 4

С библиотекарем Галиной Семеновной Стаховой Виктор договорился встретиться во дворе школы. Она уже ждала его на скамейке, худенькая, черноволосая женщина лет тридцати пяти с болезненно бледным лицом. Виктору представилось, что у нее очень болит голова. Словно подтверждая его мысли, Галина Семеновна потерла виски и смущенно улыбнулась.

– Виктор Евгеньевич? – спросила она, поднимаясь со скамейки.

Виктор кивнул и в свою очередь уточнил:

– Галина Семеновна?

– Да, это я вам звонила. Василий, наш охранник, дал ваш номер и посоветовал с вами связаться. Я была в полиции, меня послали в прокуратуру, но там... – Женщина поморщилась и снова прикоснулась к вискам – видимо, у нее действительно сильно болела голова. – Они, конечно, записали мои показания, но мне думается, только для проформы. Они мне совсем не поверили, решили, что я просто выгораживаю Владимира Тимофеевича и выдумываю, будто видела убийцу. А я ничего не выдумываю, я и в самом деле его видела.

– Расскажите все по порядку, с самого начала, – попросил Виктор.

– Хорошо. – Галина Семеновна немного помолчала, соби-

раясь с мыслями. – Я шла по коридору в столовую, не успела дома позавтракать. Хотела купить какую-нибудь булочку, а кофе захватила из дома, в термосе. Когда проходила мимо кабинета Владимира Тимофеевича, я услышала выстрел. Вернее, услышала громкий хлопок и подумала, что звук похож на выстрел. В тот момент я и представить себе не могла, что это действительно могут стрелять. Да и кто бы на моем месте мог такое представить? В кабинете директора, среди ясного утра? И все же я решила войти и узнать, в чем дело, но тут... – Галина Семеновна опять замолчала и теперь уже надолго. Она смотрела прямо перед собой расширившимися от ужаса глазами и, казалось, впала в какой-то ступор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.